

Молодость давала нам силы выживать...

(воспоминания спецпереселенки)

В 1932 году меня вместе с родителями сослали в Сибирь на Васюганье. Так семья моих родителей, Верёвкина Степана и Матрёны с 5-ю детьми была высажена на берег в берёзовый лес, где и образовался посёлок Ершовка, колхоз «КИМ». Нужно было выживать: они корчевали, строили, пахали, сеяли, работали за трудодни.

Мама, Матрёна сама достраивала дом. Дети заболели тифом, двоих схоронила, выжили трое. Хватили лиха через край: ни надеть, ни обувь, ни укусить. Если про всё рассказывать, и в трёх книгах не описать.

В 1941 году, когда мне было 17 лет, во время наводнения затопило дома, мать была на работе, я с братьями спасала своё небогатое хозяйство, одежку. На лодках вывезли к амбарам, там и поселили все семьи по углам и опять на работу. О том, что началась война, узнали от председателя. Он сразу обратился ко всем с призывом: «Давайте девчата, жмите, всё пойдет для разгрома врага!»

После посевной отправили нас на пихтовый завод, который находился на реке Чертала. Вспоминать страшно те годы: голодные, босые, кто в чём одеты, худенькие. А как работали! Сколько тонн пихтовой лапки вынесли на этих хрупких плечах девчонки! Я помню, с кем работала, может кто – то еще жив: Батькова Таня, Сомикова Шура, Недосеко Нюра, Недосеко Шура, Батькова Нина, Карачева Дуся, Баландина Матрена, Егорова Катя, Егорова Шура. Ребята, которые спускали еловые лапки: Бондаренко Миша, Третьяков Селиверст (погиб на фронте), Баландин Андрей, Егоров Сергей, Батьков Антон (погиб на фронте), бригадиром был Рудьков дядя Ваня, потом Савин Семен, они тоже говорили: «Давайте, девчата, всё для фронта!» И девчата старались из последних сил. Иногда, бывало, кончались продукты (летом спасали ягоды, орехи), и запивали черталинской водой...

Однако мы были молоды, и молодость брала свое, давала нам силы выживать и работать. Отдохнув после работы, пели песни: «Колосилась в поле рожь густая, шевелились усики овса, где-то за деревнею далёкой девичьи звенели голоса», «Пойду - выйду я в рожь высокую», «Ой, там, на горе, ой, там, на крутой сидела пара сизых голубей». Песни, наверное, помогали нам, мы и частушки сочиняли, плясали, шутили, но всегда помнили, что идет война. Ребят забрали на фронт. Рано утром опять ломали лапку, вязали вязанки, несли их, падали, плакали, поднимались и опять шли, помня слова, что всё для разгрома врага и что вечером выдадут пайку хлеба. Жили в бараке как одна семья. Помню, был случай, все спали на нарах, ночью раздался грохот – и вдруг голос Баландиной Маши: «Девки! Вы все кверху ногами спите или только я?» У неё под головой нары подломились, смотрим: она глаза вылупила на нас, мы все засмеялись, и она вместе с нами.

В 1942 году взяли на фронт старшего брата Василия, проводили и стали ждать писем. Воевал он в пехоте, дважды был ранен в бою под Смоленском. Имеет боевые награды, в том числе медаль «За отвагу». После войны, вспоминая друзей, всегда плакал и жалел погибших. В декабре 1943 года была я призвана для прохождения военной подготовки в Майск. Нас, молодых девчонок, собрали из разных поселков. Так я стала бойцом-Верёвкиной Александрой. Обучалась военному делу с девчонками из Ершовки: Сомиковой Шурой, с Огнева Яра-Лебедевой Катей. Командиром была Женя Могутаева, грамотная, справедливая и требовательная. Обучение проходило как в армии: подъем, быстро одеться и встать в строй. Учились маршировать, ползать по-пластунски. Ползали так, что всю старицу возле Майска утолкли, как пол. На стрельбище стреляли по мишеням, разбирали и собирали винтовку, нужно было назвать все детали. Ночами

поднимали по тревоге (была зима, одёжка плохонькая, сильно мёрзли). Лучше всех стреляла Шарыпова, все пять пуль попадали в цель, она была охотником, но маршировать так и не научилась. Лебедева боялась стрелять и закрывала глаза и выпускала все пули мимо. Я старалась целиться, из пяти четыре попадали в цель. За время подготовки похудели так, что однажды при марше с Капы Мериновой спала юбка. Запутавшись в ней, она упала, сбился строй. За это она получила наряд вне очереди. Ещё помню случай: в сильный мороз шли с учений, разрешили нам зайти погреться в магазин. Лейтенант приказал составить винтовки в угол. Погрелись, он нас вывел, построились. В строй Лена Грачёва меня спросила: «Ты винтовку взяла?» - «Да». - «А я забыла». Дошли до школы. Лейтенант спросил: «Кто забыл винтовку?» Она кричит: «Я». Вывел её перед строем и сказал: «Боец Грачёва, а вы в бой пойдёте с голыми руками на врага?» И ей дал наряд вне очереди. Однажды ползали по - пластуни, место было болотистое, кочки; у Лебедевой К. штык воткнулся в кочку. А когда пришли, обнаружили потерю. Наш командир Женя погнала всех назад, ползали, пока не нашли. Но Катя всё равно получила наряд вне очереди. И вот так, одетые кое - как, мы проходили военную подготовку. Родители переживали: вдруг и нас на фронт пошлют. Мы маршировали и пели походные песни: «Командир герой, герой отряда сам он ехал впереди, он командовал отрядом, веселил своих бойцов...» Вечерами, согревшись, садились и пели: «А где эти лунные ночи, а где это пел соловей, а где эти карие очи, и кто их ласкает теперь?» Когда в марте 1944 года вернулась домой, мама моя охнула: «Боже мой, на вас что там пахали? Одна шкура да кости остались». Этой весной проводили на фронт младшего брата Жору (Егора), он служил танкистом. Был комиссован из армии по ранению в сентябре 1944 года. От колхоза посылали на лесозаготовки в разные поселки: Айполово, Ньюрольку, Кунтики. В Ньюрольку мы шли пешком с Ершовки через Новый Васюган, Айполово, Дальний Яр, ночевали в Озёрном в какой - то лесной избушке. Шли мы с Сомиковой Шурой, Бекиной Анной. Пришли к начальнику, он посмотрел на меня и сказал: «А этого ребенка, зачем послали? Её лесиной прибьет, а мне тюрьма». Но мы к работе были привычны, валили лес, возили и, отработав, вернулись в колхоз. Нам объявили благодарность, дали на юбку материал и снова послали на пихтовый завод. Весной 1945 года была на лесозаготовках в Кунтиках. Там работал Дементьев Иван с Весёлого, Нечепуренко Карп, Рубцов Дмитрий с Медведки, Егармашев Ананий, Костин Максим. Мы работали, а война шла. Мы уже знали, что скоро конец ей. Этой весной я перешла работать в организацию «Лестоп». Один раз за хорошую работу выдали нам сыромятные чирки. Мы радехоньки были, но к вечеру они раскисли. Пришли с работы и развешали их сушить. Утром все в рёв, они ссохлись и никому не лезут. Давай их размачивать и надевать. И смех, и грех. Там, на лесозаготовке, узнали, что закончилась война. Но сразу не поверилось, потом приехала из района Валя Вески и сказала: «В районе собирали митинг, объявили об окончании войны, склонили головы перед погибшими. Разрешили выдать спирту, помянуть павших в боях сыновей, братьев и мужей». Этого не забуду никогда, всё осталось в памяти.

Всё пережили: голод, холод, непосильный труд. Но стоило одной затянуть песню, и все подхватывали: «Пришла весна, мы встретились с тобою. Ты молод был, а я еще дитя. Ты молод был, а я красой сияла и думала, что вечно будешь мой...», «Из-за рожицы высокой вышла ротушка солдат. Вышла ротушка солдат, да перед ротой капитан...»

С детства любила петь и плясать, сама научилась играть на балалайке. Пела частушки:

Гармошка играет,
Я куда деваюсь?
Милый в городе живет,
Я в урмане шляюсь.

Я залезу выше дуба
Упаду и дробы дам,
Я сама любить не стану,
И товарке не отдам.

Здоровье, конечно, подорвано тяжелой работой. Но стоит мне взять балалайку, и она зазвучит как в молодости. Пою своим внукам и правнукам:

Как по речке Васюгану
Полотенце тянется,
После прежнего матани
Никакой не глянется.

Колокольчики звенели
Под коричневой дугой.
Собирайся, дорогая.
Я приехал за тобой.

В Кунтиках (спецпоселок) я встретила своего мужа, Рубцова Дмитрия. Его родители и пятеро детей тоже была раскулачены и сосланы из Красноярского края в Нарымский край. Вырастили мы тоже пятерых детей. Радуюсь, что у меня 16-ть внуков и 18-ть правнуков. Всё чаще вспоминаю, с кем работала, переписывалась с подругами по пихтовому заводу до 1999 года.

Вот одно из последних писем Егоровой Кати: «Мы с тобой носили пихты по 75-80 кг за один раз, норма была два с половиной центнера на трудодень, вынести до километра, наломать, связать. А мы выносили по 5 центнеров, по два трудодня зарабатывали. Ударниками были, только даром работали, потеряли здоровье. Но работать мы с тобой умели, не жалея сил. Милая Шурочка, этого никогда не забыть до самой смерти. А жили как дружно! Ели, спали вместе, как одна семья. Вот лягу спать, закрою глаза и все передо мной: как работали, как в клуб ходили, и всех – всех помню».

Т. Гарновская